

Михаил Юдсон

Благие берега

Вера Зубарева

Гавань

Одесса, Фаворит, 2011

Не ахти как положено начинать с обложки, но там же Белла Ахмадулина ворожит, вольно плещет неводом, и немедля приникаешь и проникаешься: «Сначала я увидела ее стихи, воображение соотнесло их с морем и побережьем, с бликами, с хрупким чередованием блеска и тени. Прихотливый, независимый и несомненно ранимый мир открылся мне, явилась мысль о возможном обидчике воздуха и моря». Я наскоро заглянул наугад – и сразу не то чтобы встал

на якорь, скорей, затянуло саргассово и повлекло по тексту.

Воистину – в начале был причал! Слово у Веры Зубаревой несет благую весть морскую, оно у нее из того семейного эона, когда отец океан любовно покрывал мать сыру землю.

Задача поэта обычно привычна – раздобывать разумное, доброе, отмерять вечное, изыскивать изысканное. У Зубаревой к этому вполне волшебным примешивается лов волн, курлыкание маяка, «солью пропахшее небо», «сплетения памяти-невода», вдобавок «раковинами имен тяжело обрастает корма» и «в склепах раковин, теплой водою

подсвеченных, только тени усопших моллюсков да йодистый траур» – и как благодарный траулер я тащу и тащу подобное, серебристо поблескивающее, из глубин книги, повторяя благодарно: «Я иду и иду по осколкам закатного зарева. Волны катятся, словно пустые бутылки». Да точно ведь, глаза под ноги открылись – эх, сколько зим не замечал!

А дальше – больше, звуки семафорят, сигналият по-морскому, подают знаки, будто своему – «моллюск гигантский, полонивший сушу, придумавший себе любовь и душу...». И это хорошо, и это такое славно:

И снова тени памятных страниц
На многомирье расщепляют время,
И нелинейный странник – мысль-Улисс –
Судьбы-мигрантки множит направленья.

Постепенно сродняешься с книгой, не хочется покидать ее обжитую гавань, тянет на прикол – и уже сама Вера Зубарева звучит как палиндром... Кстати, вкратце о ней: писатель и литературовед, профессор Пенсильванского университета, автор многих книг поэзии, прозы и литературной критики на русском и английском языках, лауреат престижных литературных премий. Плюс романтически-русалочье обличье на обложке – в босоногий догон образному ряду под кожей книжки. Невольно тут читательски вскричишь – увижу ль Пенсильванию до старости моей?!

Сижу вот и по новому кругу гоняю гаммами гармонию:

То и снится, что аукнется
В памяти, где мы – вчерашние.
Где уводит к морю улица
Чуть запавшей черной клавишей.

Или иное нотное, запавшее в извилины, к коему возвращаешься лунной дорожкой строк – «как одинокий движущийся берег, минув погрузневшие дома, стоящие всю жизнь свою на рейде». До-ре-минувшее периодически оживает у Зубаревой – недаром книга посвящена памяти отца, капитана дальнего плавания, журналиста и писателя Кима Беленковича. «Там сидим на побережье мы, временем не опечалены...»

Ну, неустанно можно вычерпывать – строчками и строфами, но вряд ли это впрок – стихию стихотворную таскать цитатным решетом. Читайте сами – заходите в «Гавань», благо Интернет раскинулся ныне широко.

Я створки сборника Веры раскрывал с надеждой и затворю, потихоньку бормоча полюбившееся: «Весло пера замешкалось в ладони...».